

Первым нам попался режиссер, чьи постановки оказываются в эпицентре внимания (или скандала?) в самый момент своей премьеры. Разумеется, это был **РОМАН ВИКТЮК**:

— Роман Григорьевич, вы, конечно, знаете, на какую тему мы хотим с вами поговорить...

— Не знаю!

— Ваш ученик Ефим Шифрин выпустил книгу о себе.

— Более того, книжка называется «Театр имени меня». Прекрасно!

— Может быть, нескромно?

— Очень даже скромно. Думаю, каждый имеет на это право, если он человек...

— ...с большой буквы.

— Да... Ефим выпустил книжку поздно — надо было делать ее намного раньше. Талант виден сразу. Для этого не нужны мытарства и годы, не нужна критика и телевизионная популярность. Бриллиант — если он бриллиант! — с червоточины и с изъяном ценится гораздо больше! И не увидеть сразу его грани можно только или нарочно, сознательно, или от зависти. С первого дня, как только я увидел Ефима Шифрина на своем курсе в ГИТИСе, я понял, что нужно шлифовать те стороны, которые он пока не чувствует, о которых покамест не имеет представления, хотя в нем они самые сильные — и в них большее сияние. А червоточина, изъян, который есть в нем, — это его тайна, его глубина, это то, во что проникать неграмотно, святотатство. Думаю, сегодня Ефим силен именно своим изъяном, а не своими гранями. Наступило то время, когда за него работает Тайна, а не верхний пласт блеска. Блеск уйдет, Тайна останется.

— Если бы Роман Виктюк захотел издать книгу о своем непреходящем творчестве, кого бы из классиков он избрал в авторы?

— Почему из классиков? Я бы взял тех людей, которые сегодня вместе со мной работают или работали ранее, то есть тех людей, которые являются отсветами граней моей души. Не чужой — лично моей души! Ефим своим изъяном совпадает с моей Тайной. В этом — величайшая наша общность. Поэтому я говорю: он — мой ангел-хранитель, а я его ангел-хранитель. На этом коротком отрезке жизни в этом призрачном мире мы пытаемся сохранить эту Тайну — не впустить никого!

— Вы на ходу режете подметки! Я хотел спросить, в чем Тайна Романа Виктюка?

— В этом и заключается Тайна: она — только во мне. Подступаться к ней бессмысленно. Это пытались сделать коммунисты, профсоюзы, комсомол, пионеры...

— Так и напишем: «пионерия»?

— Так и напишем: пионерия пыталась стройными рядами с барабанным боем шагнуть в эту Тайну... Я сам сейчас удивляюсь, как мне удалось не впустить в мою Тайну лавины де-

монстраций с фальшиво сияющими лицами, с красными знаменами...

— Отчего бы не впустить детей? В Евангелии от Луки говорится: «Пустите детей придти ко Мне».

— Только на порог Тайны, но не в Тайну.

— Так кого бы вы избрали в редакторы своей книги?

— Только Шифрина: он человек пишущий (знаю об этом на протяжении двадцати лет!), чувствует стиль. А самое главное, он меня понимает.

— Вы хотели бы быть членом Президентского совета?

— Что же я буду советовать? Рассказывать Ему, что партийная принадлежность и театр — это одно и то же, что, может быть, Он ошибается в распределении ролей, что, может, освещение не то, выбраны не те подмости, не те администраторы, может быть, надо сделать дешевле билеты, чтобы публики побольше было, а может, сделать элитарное представление?.. Вот это я могу советовать...

— Что сейчас у вас раскрыто из книжек на столе?

— Сейчас вышло два замечательных тома Н.Бердяева о творчестве. Я только что купил эти две книжечки в Казачьем переулке в моем любимом магазине. Там работает удивительный, замечательный продавец Галочка. Вижу, как она общается с теми, кто приходит первый раз, кто ее уже знает... Она умеет посоветовать каждому, что бы ему сегодня нужно было прочитать. Это удивительное качество. Галочка — золото! Если таких будет больше, у нас вырастет уровень культуры.

— Идет весна, Роман Григорьевич. Что вы посоветуете делать всем нам?

— Любить.